

САТИРИКОНЪ

1910

еженедѣльное

№ 23

III ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:
На годъ—6 руб.; на полгода—3 руб.; на 3 мѣсяца—1 руб. 50 коп.
Контора и Редакция журнала „САТИРИКОНЪ“: Спб., Фонтанка № 80. Телеф. 324-62.

5 ЮНЯ 1910 г.

Новосиб. обл.
научная
библиотека

ДАЧНЫЙ ПРОСТОРЪ.

Рис. Ре-Ми.

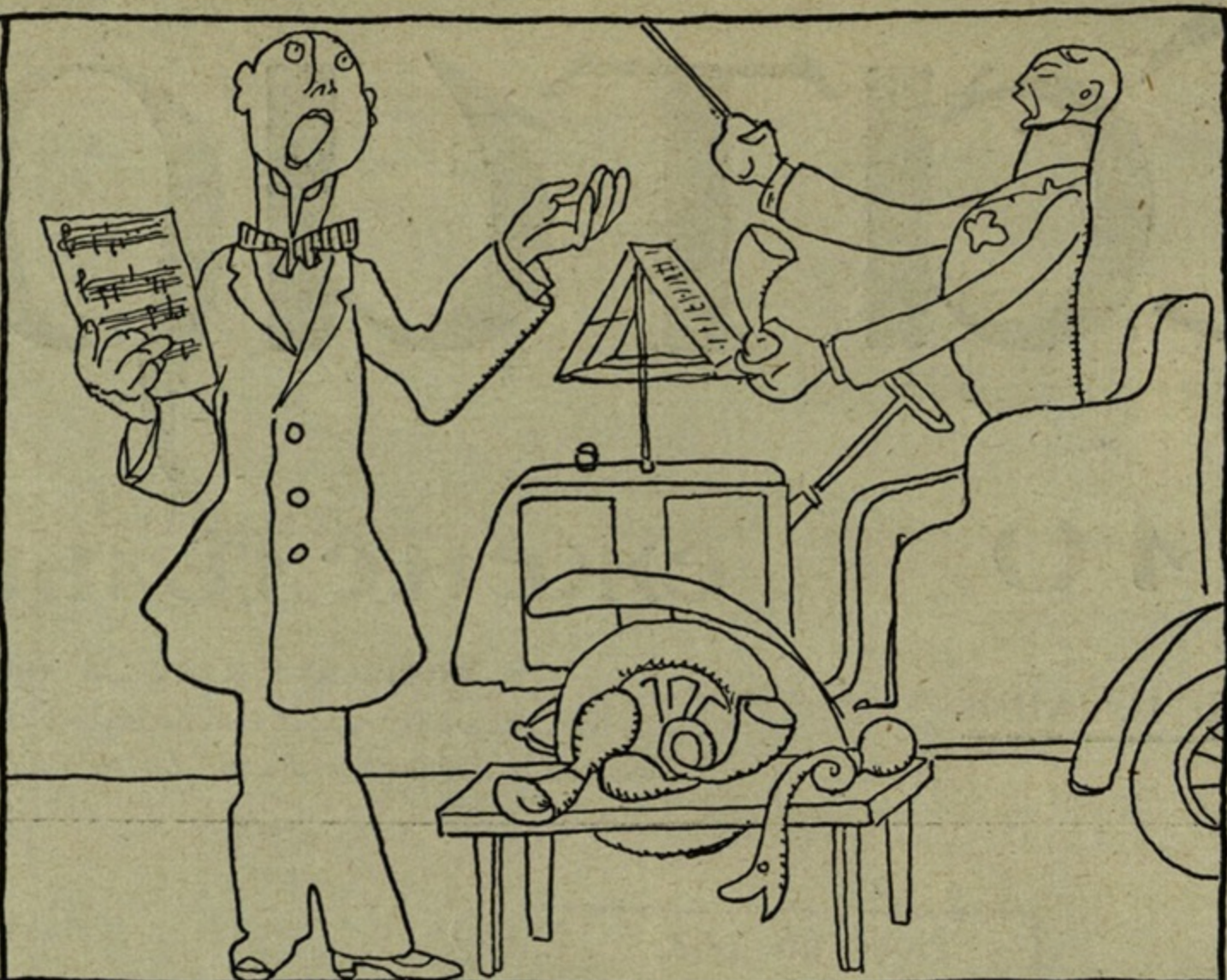

Мужъ.—Милая, нельзя же быть такой эгоисткой... ты ужъ и такъ долго сидишь въ саду, теперь моя очередь.

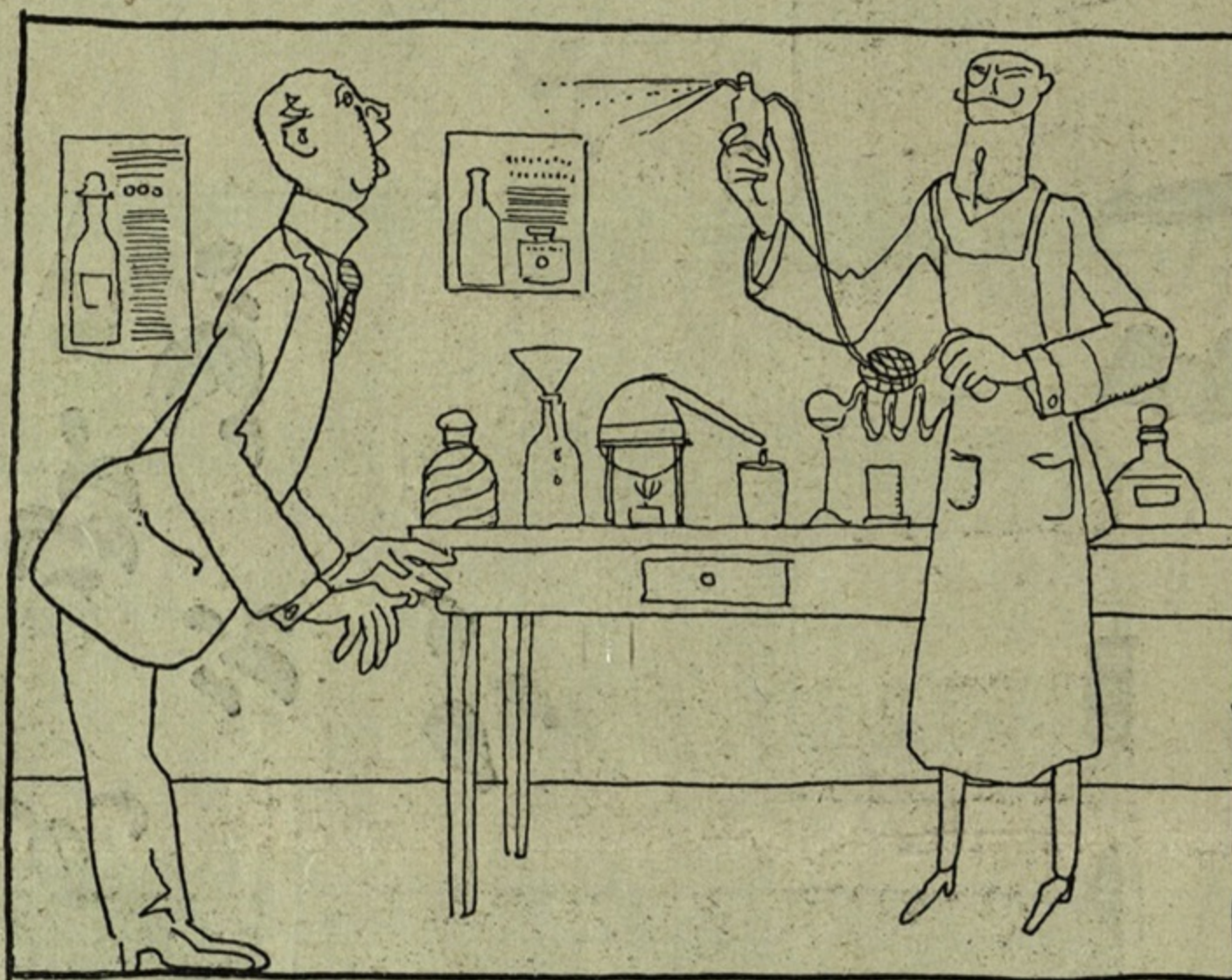
Новосиб. обл.
научная
библиотека

Учитель.—Вамъ угодно пройти полный курсъ великосвѣтскаго образованія... Великолѣпно.

Урокъ музыки.
Учитель.—Пройдите мнѣ гамму моторнаго рожка фабрики «Фрамъ»?—Такъ! Отлично. Пятая симфонія гудка «Прогрессъ»?—Великолѣпно. Пройдите хроматическую гамму толстой старухи, раздавленной на смерть?—Такъ.—Изувѣченной?—Великолѣпно!! Худой?—Такъ.

Урокъ химіи.
Учитель.—Что это за духи?—Три части Ceranium—Oel, 2 части апонанакса, 1 часть Шипръ № 1, 1/8 ородеи, 2 части геліотропа № 2 экстра, и резеда. — Великолѣпно, скажите какими духами душился Цезарь при переходѣ черезъ Рубиконъ?—Утромъ delirium tremens-омъ, вечеромъ—idiosyncrasium-омъ двойнымъ.—Хорошо, химическую формулу Ambra—Tinctura?—H № 0³.—Такъ.

Урокъ хозяйствоведенія.
Учитель.—Изъ какого льна былъ корсетъ Клеопатры?—Binis siricanus.—Размѣръ ноги Тальіони?—Въ 1811 г. 18 1/2 сантиметровъ, въ 1815 г.—20 сантим. Цѣна кокетки въ сѣверной части Акваріума?—Отъ 20 до—50.—Въ южной?—По соглашенію.—Укажите анатомическую разницу между французскимъ «lapin-омъ» и русскимъ «котомъ»?.....!—Очень хорошо.—Кто носилъ это dessous?—Два дня французенка, одинъ день нѣмка и часъ русская.—Плохо, русская носила 40 минутъ.

Урокъ политической экономіи.
Учитель.—Качества необходимыя для поступленія на содержаніе къ графинѣ?—Томность, скромность, французскій языкъ, уваженіе къ предкамъ, чистое бѣлье.—Такъ, а къ купчихѣ?—Религіозность, вѣсъ въ 6 пуд., кулакъ въ двадцать фунтовъ, чистое бѣлье не обязательно.—Когда родился Панченко?—1870 г. 12 мая.—Продемонстрируйте введеніе ціанистаго кали въ плечо престарѣлой женщины.—Очень хорошо.

Лица, окончившіе курсъ по первому разряду.

КНИГИ.

Есть бездонный ящикъ міра—
Отъ Гомера вплоть до насъ.
Чтобъ узнать хотя-бъ Шекспира
Надо годъ для умныхъ глазъ.
Какъ осилить этотъ ящикъ? Лишнихъ книгъ онъ не хранить—
Но въдъ мы сейчасъ читаемъ всѣхъ, кто будетъ позабытъ.

Каждый день выходятъ книги:
Драмы, повѣсти, стихи—
Напомаженные миги
Изъ житейской чепухи.

Урываемъ на одеждѣ, расстаемся съ табакомъ
И любимъ на полкѣ каждымъ новымъ корешкомъ.

Пыль грязнить пуды бумаги.
Книги жмутся и растутъ.
Вотъ онъ антропофаги
Человѣческихъ минутъ!

Заполняютъ коридоры, спальни, сѣни, чердаки,
Подоконники и стулья и столы и сундуки.

Изъ двухсотъ нужна одна лишь—
Перероешь, не найдешь
И на полки грузно свалишь
Драгоценное и ложь.

Мирно тлѣющая каша фразъ, заглавій и именъ:
Резонерство, смѣхъ и глупость, нудный случай, яркій стонъ...

Ахъ, отъ чтенія сихъ консервовъ
Горе нашимъ головамъ!
Не хватаетъ бѣдныхъ нервовъ
И чутье трещитъ по швамъ.

Переполненная память топить мысли въ вихрѣ словъ...
Даже критики устали разрубать пуды узловъ.

Всю читательскую лигу
Опросите: кто сейчасъ
Перечитываетъ книгу,
Какъ когда-то... много разъ?

Перчите, если сотни быстрой очереди ждуть!
Написали—значитъ надо. Уважайте всякій трудъ!

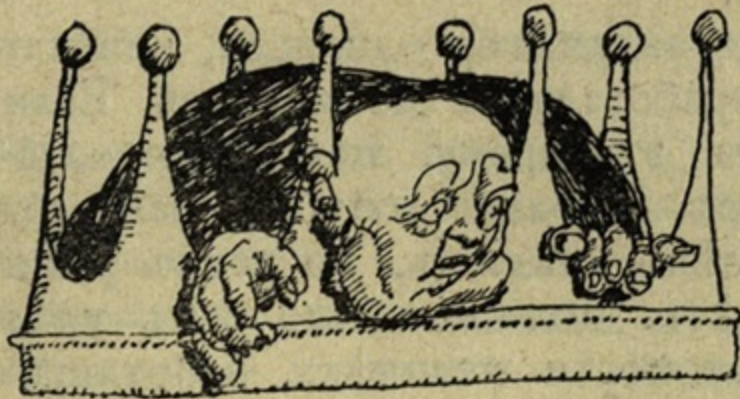
Можно-ль въ тысячномъ гаремѣ
Всѣхъ красавицъ полюбить?
Нѣтъ нельзя. За то со всѣми
Можно мило пошалить.

Кто «Онѣгина» сегодня прочитаетъ наизусть?
Рукавишниковъ торопить. «Томъ двадцатый» Смѣхъ и грусть!

Кто меня за эти строки
Митрофановъ назоветъ,
Понялъ соль ихъ такъ глубоко,
Какъ хотя бы... Кашалотъ.

Намъ легко... Что будетъ дальше? Будутъ вмѣсто городовъ
Неразрѣзанною массой мокнуть табели томовъ.

Саха Черный.

ПО НАСЛѢДСТВУ.

— Я хотя и не аристократъ, но родовой замокъ имѣю!
— Какой!

— Литовскій замокъ... Тамъ и лѣдъ мой сидѣлъ... И отецъ..
И я...

ВЪ МАГАЗИНѢ.

Послушайте, мадамъ, эта пятирублевка фальшивая! И она такъ
грубо поддѣлана, что странно, какъ вы сами этого не замѣтили?
— Ффу, какая неприятность... Я, знаете-ли, получила ее въ
потемкахъ!

Адъ.

Отъ Главной Конторы журнала „Сатириконъ“.

Ввиду истечения срока подписки за вторую четверть
года и первое полугодіе (1 Юля), главная контора
«Сатирикона» покорнѣйше проситъ г.г. подписчиковъ,
пользующихся разсрочкой платежа и не внесшихъ
еще платы за слѣдующую четверть года и второе по-
лугодіе—озаботиться скорѣйшимъ взносомъ, во избѣ-
жаніе задержки въ своевременной высылкѣ журнала.

ОБИЖАЛКА И ШЕБУРШАЛКА.

На землѣ много разныхъ дѣтей живетъ, отчего жъ
было не жить и Обижалкѣ съ Шебуршалкой?..

Жили, разъ про нихъ разговоръ затѣвается.

Обѣ дѣвочками были, и у каждой не только по
мамѣ, но и по папѣ, какъ у всѣхъ порядочныхъ дѣтей
со дня рожденія имѣлось.

Стыдно не имѣть папы, нельзя не имѣть мамы—это
всякому проѣзжему и прохожему извѣстно.

У Шебуршалки былъ маленькій носикъ, который,
всегда краснѣлъ, острые глазки, неровные зубки, подвиж-
ные губки, а волосы свѣтлые, льняные. Ходила она въ
простенькомъ ситцевомъ платьицѣ и часто капризничала.
Папа у нея былъ тотъ, кого задерживаютъ.

У Обижалки былъ длинненькій носикъ, который
всегда раздувался, когда она обижала или обижалась,
глаза суровые, зубки ровные, губки пухлыя, а волосы чер-
ные, смоляные. Ходила она въ хорошенькомъ бархатномъ
платьицѣ. Папа у нея былъ тотъ, кто задерживаетъ.

Познакомились Обижалка съ Шебуршалкой въ саду
у забора, увидѣвъ другъ друга сквозь шелку. Познакоми-
лись, подружились, играть стали вмѣстѣ.

Шебуршалка шебуршитъ—Обижалка обижается.

Обижалка обижаетъ—Шебуршалка шебуршитъ.

Такъ и проводили дѣтскіе дни незамѣтно и безза-
ботно. Однако надоѣло имъ въ одинъ весенній теплый
день такимъ газетнымъ дѣломъ заниматься. Обижалка
губки надула, Шебуршалка носикъ вздернула—обѣ подумали,
вмѣстѣ рѣшили.

— Пойдемъ-ка въ лѣсъ грибовъ—ягодъ поищемъ, а
по дорожкамъ—тропинкамъ гуляя, будемъ пѣсни пѣть,
вѣнки изъ цвѣтовъ и травъ плести—вотъ весело будетъ!..

Сначала до опушки дошли, а потомъ и въ лѣсъ
вошли: по дорогѣ, да по дорожкѣ, да по тропинкѣ, да
по мху по мху—по кустарнику, по ельнику, по болоту...
совсѣмъ заблудились... Заплакали.

Услышалъ ихъ лѣсной мальчишка Типунъ, который
думалъ басомъ, подошелъ и захохоталъ раскатисто.

— Чего дѣвчонки разнюнились, чего дѣвчонки рас-
хныкались?..

— Дорогу потеряли, тропинку потеряли, домой ни-
какъ не попасть!

— А развѣ въ лѣсу плохо?

— Въ лѣсу хорошо, а въ саду лучше!

— Ну, это мы еще посмотримъ!..

А чего смотрѣть, когда въ лѣсу темнымъ темно, себя
не видать!.. Только гулы лѣсные прогуливаются, да невѣ-
домая птица кукуетъ отрывисто, безумолчно:

— Кук-кишъ!.. Кук-кишъ!..

Разсердилась Обижалка, разобидѣлась:

— Это ты меня завела сюда, гадкая дѣвчонка! Я
вотъ папѣ нажалуюсь, онъ тебя высѣчетъ и твоего папу
задержитъ!..

— А я причемъ? Никто тебя не тянулъ за косу,
сама придумывала! Мой папа самъ на зло твоему задер-
жится и, ухъ какъ, его разозлитъ!.. А меня не тронь, не
то такъ нашебуршу, такъ заверешу, что своихъ не узнаешь!

Слушалъ ихъ Типунъ, слушалъ, пока самому шепеля-
вить не захотѣлось:

— Полюбились вы мнѣ, балаболки болтливыя! По-
цѣлую васъ разокъ-другой на прощанье, тогда и на дорогу
выведу.

Замолчали дѣвочки, молчать, ежатся, согласиться
боятся. Типунъ же не былъ дуракомъ, обнялъ Шебур-
шалку безъ всякаго позволенія, чмокнулъ безъ всякаго
спросу, да и вскочилъ ей на языкъ—не соскакиваетъ.

Испугалась Обижалка, побѣжала, куда глаза глядятъ,
а Типунъ галдитъ ей въ догонку:

— Съ меня и одной довольно!.. Сиди въ лѣсу,
когда такъ, а мы къ людямъ пойдемъ.

Ушла Шебуршалка, онѣмѣвъ съ Типуномъ дома мол-
чать-помалкивать. А Обижалка осталась въ лѣсу прозябать:
волкомъ воетъ, филиномъ гукаетъ, змѣей шипитъ... Обо-
мшала, озвѣрилась, озвѣрѣла, окарачилась. Некого стало
обижать, не на кого и обидѣться, не съ кѣмъ поиграть,
не надъ кѣмъ покочевряжиться.

Озвѣрѣла какъ-то разъ, не узнала сама себя, опети-
нилась, бросилась сама на себя и умерла скоропостижно,
такъ какъ съѣсть себя никакъ не могла.

Полярный.

У СВАХИ.

— Нѣтъ-ли у васъ, сударыня, дѣвушки, безъ которой я жить
не могу?..

Гамлетъ.

ПАРАЛИЧЪ СЕРДЦА.

Я писалъ дѣловое письмо, хотѣлъ вздохнуть и упалъ—
Неожиданно я выпилъ свой смертный бокаль.

На мои тяжелыя вѣки осѣлъ бѣлый день,
Все мое тѣло сковала могильная лѣнь.

По опустѣлой квартирѣ разносится звонъ:
На столѣ у портрета трещитъ телефонъ.

Меня кто-то требуетъ по дѣлу, меня зовутъ,
Еще никто не знаетъ, что меня понесутъ.

Вѣроятно, звонитъ Борисъ Павлычъ, мой старый другъ,
Онъ удивляется молчанію: я всегда дома до двухъ.

Я не могу теперь подняться, взять трубку, сказать:
— «Алло. Я слушаю. Сто семнадцать ноль пять».

Въ шкафахъ и на полкахъ повсюду разставлены книги,
Въ безмолвіи странномъ проносятся миги.

Внизу по улицѣ проѣзжаютъ телѣги. Кто-то крикнулъ: Оекла,
Въ моемъ кабинетѣ тихо дрогнули стекла.

Остановится юркій маятникъ, я не заведу часовъ.
Будетъ проноситься время, лишенное сновъ.

Случайно войдетъ горничная, увидитъ меня на полу;
Придетъ гробовщикъ, вытретъ руку о полу.

Въ свѣжемъ номерѣ газеты прочтеть множество незнакомыхъ:
«Правленіе банка извѣщаетъ друзей и знакомыхъ».

Всѣ начнутъ обсуждать, будутъ строить догадки.
Машутка скажетъ: «Не оставилъ завѣщанія, гадкій!»

Я лежу. И жду на коврѣ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ:
Когда же предстану передъ Страшнымъ Судомъ?

Осипъ Дымовъ.

ЗАКОННИКЪ.

Мальчишка догоняетъ разносчика съ лоткомъ сладостей.
— Послушай!.. Пряникъ обронилъ! Кричитъ мальчишка, отда-
вая разносчику обгрызанный пряникъ.
— А зачѣмъ-же ты, каналья, обкусалъ его?
— По закону, я третью часть откусилъ!

Адъ.

Дама (примѣривая передъ зеркаломъ шляпу «Шанте-
клеръ»):—Боже! Какая тяжелая штука... Какое счастье, что Ростанъ
написалъ пьесу не изъ жизни носороговъ!..

ВЪ «ВѢНѢ».

Между писателями.
— Милостивый государь! Вы дернули мою даму за руку... Я
этого такъ не оставлю къ барьеру! Ваши условія?
— Десять копѣекъ строка и полтораста авансомъ—ни копѣйки
меньше!

Волкъ.

Рис. Н. К.

УЖАСНЫЙ КЛИМАТЪ.

— Чертъ, дья-я-я-воль, ну и климатъ петербургскій...
въ гости шель—ничего, а теперь вдругъ снѣгъ выпалъ.

ВЕЛИКІЙ МЫСЛИТЕЛЬ.

Закуривъ папиросу, вы бросаете спичку, не обращая
на нее никакого вниманія. Это великое явленіе не оста-
навливаетъ даже вашей мысли на себѣ. Вы дѣлаете это
почти машинально.

У него, однако, процессъ зажиганія спички, вызывалъ
цѣлый рой мучительныхъ размышленій.

— И какъ только люди додумались до такого вели-
каго изобрѣтенія. Казалось бы, вещь простая: кусокъ де-
рева съ желтоватой головкой. А потрешь—вспыхиваетъ
огонь. И какъ только пришла въ голову изобрѣтателю
такая гениальная мысль. Почему до этого не додумались
животныя? Чѣмъ отличаются мозги человѣка отъ мозговъ
животныхъ? Да и что такое мозги? Почему не думаютъ
пальцами, зубами, а мозгами? Какъ зарождаются мысли въ
мозгахъ? Почему у одного человѣка мысли гениальнѣе, чѣмъ
у другого? Да, вообще, почему человѣкъ можетъ думать,
а дерево не можетъ. Почему я сейчасъ двигаю рукой? Кто
ее двигаетъ? Чортъ знаетъ! Съ ума сойти можно!

Къ такому кругу размышленій приводила его простая
спичка, на которой вы, вѣроятно, никогда не останавли-
вали своего вниманія.

Отъ его наблюденія не ускользала ни одна мелочь.
Надъ ходомъ часовъ онъ могъ, наприимѣръ, думать ночи
напролетъ. Электрическое же освѣщеніе, трамвай, теле-
графъ, прямо изводили его. Если бы вы попробовали по-
мѣшать ему въ моментъ размышленія надъ непостижимо-
стью электрической тяги онъ, навѣрное, набросился бы на
васъ съ кулаками.

Онъ считалъ себя самымъ умнымъ человѣкомъ, хотя
ему часто приходилось выслушивать комплименты:

— Какой вы глупый!

Это, однако, его не смущало:

— Пусть! они сами непроходимо глупы. Живутъ,
какъ автоматы, не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета, не
трудясь надъ разгадкой окружающихъ насъ великихъ тайнъ.
Какія тупицы! Вотъ, наприимѣръ, говорятъ слово «глупый».
А что такое «глупый»? Глупый, глупый, глупый... Почему
не «лупый», «купый», «рупый»? Почему французы не знаютъ,
что такое «глупый», а русскіе «сот»? Ужасно глупо!

Размышленія эти часто доводили его до того, что онъ
начиналъ въ изступленіи рвать на себѣ волосы.

— Боже мой,—произносилъ онъ почти вслухъ,—ну,
зачѣмъ я все думаю. Зачѣмъ я такъ проникателенъ.

Онъ считалъ себя большимъ психологомъ. Ему каза-
лось, что онъ видитъ всѣхъ людей насквозь, читаетъ ихъ
каждую мысль.

Говорилъ онъ очень мало, или лучше,—почти всегда
угрюмо молчалъ.

— Все равно, всего не скажешь, да и не такъ какъ
хочется: слова не поспѣютъ за мыслями.

Онъ много разъ пытался писать.

— Такъ легче изложить все о чемъ думаешь: никто
тебя не гонитъ.

Но всякій разъ онъ бросалъ перо на второй или
третьей строкѣ.

Онъ даже задумалъ, однажды, написать драму. Мы-
сленно онъ разработалъ ее до мелочей. Если бы онъ когда
нибуль написалъ эту драму, то она занимала бы, вѣроятно,
томовъ тридцать. Драма должна была охватить жизнь
человѣка во всѣхъ стадіяхъ, во всемъ разнообразіи. При
чемъ много мѣста должно было быть удѣлено глупости,
тупости и жестокости человѣка, заботящагося о теплой
шубѣ, но не думающаго, что это вовсе не шуба, а деся-
токъ загубленныхъ хорьковъ, барашекъ. Въ драмѣ отдавался
долгъ и вѣчно юной темѣ—любви. Детально должна была
быть разработана психологія цоцѣлуя.

— Почему возникаетъ пріятное ощущеніе отъ сопри-
косновенія губъ двухъ разныхъ индивидуумовъ?

Должны были быть затронуты и вопросы о рожденіи,
смерти, глотательномъ процессѣ (кто тянетъ внутрь пищу
положенную въ ротъ?) и т. п.

Словомъ, все было предусмотрѣно, ничто не ускольз-
нуло отъ вниманія наблюдательнаго автора. Объ этой драмѣ
онъ мечталъ долгіе годы. Къ великой потерѣ человѣчества—
драма, однако, не видѣла свѣта: всякій разъ, когда онъ
принимался за работу, больше названія ничего не выходило.
Онъ самъ себя оправдывалъ:

— Ну, что же мнѣ дѣлать, когда мысли такъ быстро
бѣгутъ, что перо не успѣваетъ запечатлѣть ихъ.

Въ такіе моменты онъ жалѣлъ: отчего еще не при-
думанъ способъ фотографированія мыслей. О, тогда миръ
былъ бы пораженъ его великимъ умомъ, его гениальностью,
углубленностью, проникательностью, широчайшимъ круго-
зоромъ!..

Рис. Н. Р.

Въ Саратовской губернии состоялся выпускъ «Школы Стражниковъ». Всего выпущено 40 чело-
вѣкъ.

Стражникъ.—Вотъ-съ, ma belle dame, вамъ отъ начальства льгота пришла. Теперь ежели мы и съѣздимъ въ рыльскій уѣздъ, село Зубово, что на рѣкѣ Деснѣ, къ вашему уважаемому супругу, то за проѣздъ денегъ не возьмемъ и безпрѣмѣнно mille pardons скажемъ,—потому теперь обращеніе деликатное пошло.

Никто, однако, не изобрѣталъ такого аппарата.

Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ кругъ размышлений его становился шире и шире. По временамъ, ему казалось, что онъ сходитъ съ ума. Муха на стѣнѣ приводила его въ изступленіе.

— Почему она держится на вертикальной плоскости и не падаетъ внизъ? Неужели, и въ этой тоненькой ножкѣ есть десятки жилъ и венъ, по которымъ струится кровь? Какъ постичь тайну жизни? Какъ? О, Боже... За что ты меня мучишь!..

Для него стало яснымъ, что нужно покончить съ собой.

— Конечно, выстрѣломъ въ високъ, чтобъ сразу.

Онъ быстро подошелъ къ письменному столу, чтобы, по крайней мѣрѣ, изложить причины своего самоубійства.

— Всѣ оставляютъ стереотипныя записки: «прошу никого въ моей смерти не винить». Но какъ это глупо! Нужно объяснить, почему кончаешь съ собой. Вѣдь, это величайшій актъ, и на каждомъ лежитъ долгъ, по мѣрѣ силъ объяснить свое рѣшеніе, чтобы дать человѣчеству матеріалъ для опредѣленія психологіи самоубійцы.

Онъ рѣшилъ самымъ подробнымъ образомъ изложить свои ощущенія, переживанія, настроенія въ предсмертный часъ. Онъ сейчасъ это все такъ обдумалъ.

— Скорѣе за перо!

Первыя двѣ три строки онъ набросалъ быстро, безъ помарокъ, но... на третьей запнулся: мысль опережала перо. А сказать только кое-что не хотѣлось: вѣдь кто, какъ не онъ, тончайшій наблюдатель, обязанъ повѣдать міру психологію самоубійцы.

— Но, что же дѣлать, что дѣлать?

Онъ забѣгалъ по комнатѣ, держа себя обѣими руками за голову.

— Эхъ, чортъ возьми... Надо, однако, рѣшиться.

Схвативъ перо, онъ лихорадочно начерталъ на бумагѣ:—Прошу никого не вини... Выдвинулъ ящикъ, взялъ револьверъ и поднесъ его къ виску. Нашупалъ собачку, приладилъ къ ней палецъ и сталъ слабо надавливать...

— Разъ, два, т...

Еще секунда, и на полу валялся бы трупъ его. Но ему захотѣлось проанализировать послѣднюю секунду самоубійцы, и, положивъ револьверъ на столъ, онъ сѣлъ въ кресло и сталъ думать:

— А почему прекращается жизнь отъ введенія въ организмъ свинцоваго элемента? А отчего онъ проникаетъ въ черепъ? Какая тайная сила толкаетъ его?

«Великій мыслитель» благополучно здравствуетъ и понинѣ.

Соломинъ.

ДЯДЯ-МАЗАЙ.

У дяди-Мазая
Натура сырая:
Што лапоть носище,
Што стогъ—животище!
А ноги-то—ровно
Морёныя бревна!

Для дяди-Мазая
Не надобно рая;
Была бы избенка,
Въ избенкѣ—бабенка,
Да въ клѣтѣ у бабы
Холстина была-бы!
Возьмешь—не узнаетъ,
Пропьешь—не облаетъ.
«Моя-то Алёна
Куды какъ смирёна!
Чуть пикнетъ, такъ разомъ
И вснухнетъ подъ глазомъ!»

У дяди-Мазая
Натура сырая.
Козлячья борода,
Луженая глотка!—
Все—мы-ста, да мы-ста...
Ахъ, въ бокъ тебѣ триста!
Што лапоть—носище,
Што чанъ—животище!

Василій Князевъ.

Тонкій поэтъ, модѣристъ, эстетъ, критикъ и редакторъ (не только въ буквальномъ смыслѣ). Занимается акклиматизаціей «Аполлона» въ нашихъ болотахъ; поэтому весьма понятно, если «Аполлонъ» иногда чихаетъ и кашляетъ. Первый изъ русскихъ художественныхъ критиковъ, не побоявшійся смѣло заявить, что для того, чтобы написать критику о произведеніи искусства, нужны во-первыхъ, произведеніе искусства, а во-вторыхъ, художникъ его создавшій. Сонеты его читаются какъ критика, критика, какъ сонеты. Голова С. К. оцѣнена Академіей Художествъ въ 100,000 р.

МОЯ «ИЛАЙАЛИ».

Вы видали мою «Илайали»,
Какъ она вечеркомъ на рояли
Жарить Шумана, Баха и Листа?—
Капли пота висятъ, какъ мониста,—
На щекахъ, на носу идеальномъ,
На челѣ музыкально-вокальномъ...
Вы видали? Едва ли видали
У рояли мою «Илайали».

*

Вы слышали мою «Илайали»,
Какъ она,—сокрушая педали,
Поднимая высоко колѣна,
Послѣ Свендсена, Грига, Шопена,—
Вдругъ оглушить васъ fuga ли Баха?—
Липнетъ къ тѣлу сырая рубаха,
Паръ валить... «Илайали» въ азартѣ:
До полночи сидитъ на Модартѣ,
А потомъ, послѣ Брамсова «dans'a».
Свистопляску закатитъ Сен-Санса...
Вы слышали? Едва ли слышали,
Какъ стонали педали рояли.

*

Дорогая моя «Илайали»!
Кто тебя вдохновляетъ? Не я ли?

Владимѣръ Воиновъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДРЯННОГО
МАЛЬЧИШКИ...

Это былъ лучший мячъ, какой я когда либо видѣлъ.
Когда имъ играли въ лапту, онъ взлеталъ такъ высоко, что терялся изъ виду, а когда имъ «женили» то новобрачный вылъ отъ боли и проклиналъ свою участь.

И тѣмъ не менѣе онъ погибъ; погибъ при исполненіи своихъ высокихъ обязанностей, наткнувшись на торчащій изъ стѣны гвоздь, вмѣсто того, чтобы угодить въ то мѣсто стоявшаго къ намъ спиной жениха, которое болѣе всего страдаетъ обыкновенно при совершеніи обряда.

Онъ такъ и остался висѣть на гвоздѣ, къ великому восторгу новобрачнаго, обезумѣвшій отъ страха и боли, съ продавленнымъ бокомъ.

Онъ пришелъ въ себя только спустя пять минутъ, въ тазу съ водой, и когда я его вынулъ оттуда, показался мнѣ совершенно здоровымъ и бодрымъ, хотя значительно потяжелѣвшимъ.

Къ несчастію это только казалось, потому что, выскользнувъ изъ моихъ рукъ на полъ, онъ даже не подпрыгнулъ, какъ это дѣлаютъ всѣ нормальные мячи, а прямо покотился подъ кровать, сѣменяшей походкой тайнаго совѣтника, при чемъ внутри у него что то булькало и сопѣло. Я осторожно досталъ его и началъ ощупывать, стараясь не причинить боли бѣдному парню. Повидимому онъ навсегда потерялъ трудоспособность; это было тѣмъ болѣе ужасно, что съ виду онъ остался все тѣмъ же веселымъ и здоровымъ мальчѣмъ, какъ и прежде, если не считать маленькой дырки, изъ которой время отъ времени выпрыгивали крохотные пузырьки.

Онъ долженъ былъ сильно страдать отъ сознанія своей негодности и вынужденности жить, отнынѣ, въ тягость людямъ, которая еще увеличивалась отъ наполнявшей его внутренности, воды.

Мнѣ хотѣлось облегчить его участь и я, скрѣпя сердце, сильно сдавилъ его плотный животъ. При этомъ, неожиданно для меня, изъ него брызнула такая сильная тонкая

струя, что потолокъ сразу покрылся мелкими сѣрыми точками, а въ воздухѣ запахло известью.

Это было не только изумительно, но прямо величественно.

Я продолжалъ сжимать становившійся все мягче и мягче мячъ и остановился лишь тогда, когда вмѣсто воды изъ него началъ вырываться одинъ хрипъ, а со всѣхъ стѣнъ катились слезы восторга передъ невиданнымъ зрѣлищемъ.

Было ясно, что для него наступила заря новой жизни, болѣе содержательной и глубокой, хотя, можетъ быть и не такой блестящей, какъ прежняя. Я бы сказалъ—скорѣе жизнь ученаго, чѣмъ солдата.

Гдѣ нибудь въ уголкѣ, на днѣ ведра или стараго кувшина, незамѣтно для постороннихъ, а за частую и близкихъ ему людей, онъ вбиралъ въ себя все окружающее, а потомъ, вдругъ выбрасывалъ его въ воздухъ, то въ видѣ каскада блестящихъ брызгъ, то въ видѣ тонкой и мѣткой струи.

Какъ это ни странно, но именно эта мѣткость и создала ему многихъ враговъ, все чаще и чаще осаждавшихъ моего отца жалобами на испорченныя платья и тому подобныя мелочи. Конечно было бы очень легко доказать полную несостоятельность этихъ претензій, но отецъ мой никогда не былъ человѣкомъ широкихъ взглядовъ и потому, призвавъ, однажды, въ свой кабинетъ, категорически заявилъ мнѣ, что при первой же жалобѣ выброситъ сначала мячъ, а потомъ и меня на улицу.

Тогда я рѣшилъ снести его въ училище и спрятать тамъ пока нѣсколько уляжется недовольство общества и уже съ вечера положилъ въ ранецъ, тщательно укутавъ его бумагой, для чего пришлось вырвать нѣсколько, уже пройденныхъ страницъ, изъ географіи.

Утромъ я еще разъ внимательно осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и попрашался съ нимъ.

Увы, я слишкомъ поторопился съ этимъ.

По дорогѣ въ классъ меня начало грызть честолюбіе и неудержимая жажда извѣстности.

Никогда раньше, я не ощущалъ такъ ярко близости вершинъ славы, какъ въ это роковое утро, когда за моей спиной покачивался въ ранцѣ мой мячъ.

До сихъ поръ, мнѣ всегда что то мѣшало показать его классу, и на всѣ вопросы о его здоровьи я, или отмалчивался, или давалъ таинственные неопредѣленные отвѣты; теперь же мнѣ казалось, что моментъ явить чудо наступилъ и не воспользоваться имъ было почти равносильно безумію.

Уже одно сознаніе, что я, со своей послѣдней парты, могу всадить любому второкласснику, въ затылокъ, струю воды, наполняя меня отвагой и гордымъ сознаніемъ своего превосходства; а тутъ я долженъ добровольно остаться въ рядахъ посредственностей, да еще забросить куда-то, на чердакъ лучший изъ современныхъ мячей.

И, когда я подходилъ къ дверямъ своего класса, я уже рѣшилъ стать великимъ именно въ этотъ день.

Но ему суждено было стать несчастнымъ, для насъ обоихъ: это было очевидно уже съ перваго урока и только я, ослѣпленный призракомъ ликующей славы, не замѣчалъ этого.

На первомъ урокѣ я не рѣшилъ письменной задачи, и уже на второмъ батюшка оставилъ меня на часъ безъ обѣда за то, что я позволилъ себѣ высказать сомнѣніе въ святости пророка Елисея, натравившаго на мальчишковъ медвѣдицъ, за то, что они дразнили его плѣшивымъ.

Но на меня ничто не оказывало дѣйствія и ни на юту не поколебало моихъ плановъ на будущее, изъ которыхъ первый долженъ былъ осуществиться на урокѣ нѣмецкаго языка.

Онъ былъ простъ, какъ все великое: выждать, когда нѣмецъ отвернется къ доскѣ и раздѣлать ему спину и все, что находится ниже.

Какъ на зло онъ не отвертывался чуть ли не въ продолженіе всего урока, а когда онъ, наконецъ, это сдѣлалъ, то я настолько заволновался, что уронилъ мячъ на полъ.

Я тотчасъ же бросился вслѣдъ за нимъ, но проклятый нѣмецъ, съ совершенно неожиданной отъ него ловкостью, вырвалъ его у меня изъ рукъ.

Въ слѣдующій моментъ я едва успѣлъ бросить послѣдній взглядъ на блѣдное, растерянное лицо моего милаго мяча и затѣмъ онъ исчезъ въ заднемъ карманѣ нѣмецкаго фрака.

Негодяй совершенно спокойно сѣлъ къ столу и началъ выводить, противъ моей фамиліи какія то инсинуаціи.

Но здѣсь совершилось что то великое и неожиданное. Нѣмецъ страшно выкатилъ глаза, ляскнулъ зубами, легко подпрыгнулъ на стулѣ и скрылся изъ глазъ.

Пятиклассники намъ потомъ объяснили, что на немъ оправдался великій законъ Архимеда, и нѣмецъ потерялъ въ своемъ вѣсѣ столько, сколько вѣсила вытѣсненная имъ жидкость.

Возможно, что его легкость, въ роковой моментъ, была одной изъ причинъ его изумительной рѣзвости, но главнымъ героемъ всего этого я, все же, считаю и не перестану считать моего милаго мяча.

Я не встрѣчалъ его больше и ничего не знаю о его судьбѣ; но его память всегда останется для меня самой свѣтлой и незапятнанной.

Что было дальше? Если хотите, ничего особеннаго.

Меня рѣшили оставить на шесть часовъ безъ обѣда и, только, послѣ настоятельныхъ просьбъ моего отца, оставили на двѣнадцать, такъ какъ ему удалось доказать имъ, что съ господами, подобными мнѣ, не слѣдуетъ никогда перемониться, тѣмъ болѣе, что такого негодяя онъ лично встрѣчаетъ первый разъ въ жизни.

Мнѣ предстояло сидѣть два воскресенія, по шести часовъ, что и было правильно выполнено.

Первые шесть часовъ я посвятилъ на то, что учился плавать во всякомъ положеніи на всѣ, находящіяся въ классѣ предметы, а потомъ перенесъ свою дѣятельность на улицу, и плавалъ изъ окна вначалѣ на тумбу, а потомъ на проходящихъ старухъ.

Когда прошло двѣнадцать часовъ, я былъ уже законченнымъ артистомъ.

На другой день я плюнулъ во время урока въ затылокъ перваго ученика.

Мусь.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ „САТИРИКОНА“.

Присланныя въ редакцію рукописи не возвращаются (даже при условіи присылки марки на отвѣтъ).

А. Петербургъ.

112. Петербургъ.—Г-нъ К.—Вы пишете—почему у насъ въ журналѣ совсѣмъ не отмѣченъ Финляндскій вопросъ, не на лунѣ же вы живете?

Эхъ, въ томъ то и бѣда, что не на лунѣ, а въ..... Наивный вы человекъ.

113. Петербургъ.—Г. Мырѣ.

Мырѣ тонкій поэтъ школы Эредіа
Я зимой «возпѣлъ» Катюшу,
А весной «возпѣлъ» Мари.

Хорошо, но надо быть болѣе точнымъ, вы не пишете о чемъ именно пѣлъ вашъ возъ, и кончили ли онъ консерваторію. Отвѣчайте телеграммой.

Б. Провинція.

114. Москва.—Трехпрудный пер., 5. Иксъ.

Лѣтомъ я поѣду въ Ниццу,
Жить я въ городѣ усталъ,
А потомъ вернусь въ столицу
Разскажу все, что видалъ.

Поѣзжайте куда хотите, у насъ же отъ вашихъ стиховъ только одно желаніе поѣхать въ Ригу.

115. Въ пространство—Мусу.—Присылайте еще. Разсказъ пошелъ.

116. Варшава.—Ваше стихотвореніе «Финляндія» напечатать не можемъ. Смотрите отвѣтъ г. К.

117. Провинція.—«Эспе».

«Мнѣ снился страшный сонъ: заснула третья Дума.
Г. Эспе, да что же тутъ страшнаго то, въ томъ то и бѣда, что третья Дума не спитъ. Спросите-ка у финляндцевъ. Стихотвореніе не пошло.

А. Р.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: М. Г. Корнфельдъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ И ЮМОРА

САТИРИКОНЪ 52

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

№№ роскошно
иллюстриро-
ванныхъ, въ
краскахъ.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ, ВЪ ВИДѢ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ, РОСКОШНО
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ:

„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ“

ОБРАБОТАННАЯ «САТИРИКОНОМЪ», ПОДЪ УГЛОМЪ ЕГО ЗРѢНІЯ, — ПОДЪ РЕД. А. Т. АВЕРЧЕНКО.

«ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ» будетъ представлять собой большой томъ, художественно отпечатанный на хорошей бумагѣ, съ массой иллюстрацій лучшихъ русскихъ художниковъ-карикатуристовъ.

Хотя наша «Всеобщая исторія» и не будетъ рекомендована Ученымъ Комитетомъ, состоящ. при м-вѣ народн. просвѣщ., — какъ руководство для учебныхъ заведеній, но эта книга дастъ подписчикамъ единственный случай взглянуть на историческое прошлое народовъ — въ совершенно новомъ и вполне оригинальномъ освѣщеніи.

СОСТАВЪ СОТРУДНИКОВЪ:

ХУДОЖНИКИ: Б. Анисфельдъ, Л. Бакстъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Н. Герардовъ, Олафъ Гульбрансонъ (Мюнхенъ), М. Добужинскій, Б. Кустодіевъ, Е. Лансере, Миссъ, Дм. Митрохинъ, В. Невскій А. П. Остроумова-Лебедева, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми), О. Шарлеманъ, А. Юнгерь (Баянъ), А. Яковлевъ и другіе.

ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, А. Аверченко. (Аве), А. Азовъ, К. Антиповъ (А. Зарницынъ), Александръ Блокъ, И. М. Василевскій (не Буква), Л. М. Василевскій, Б. Вилли, Яковъ Гординъ, Сергій Горный, Сергій Городецкій (Сатиръ), И. Гуревичъ, Осипъ Дымовъ, А. Измайловъ, В. Князевъ, Красный, М. Кузминъ, А. Кугель (Номо Novus), А. И. Купринъ, В. Лихачевъ, К. Р. Милль (Полярный), О. Л. Д'Орть, Иванъ Кузъм. Прутковъ, Потемкинъ, А. Радаковъ, Саша Черный, Александръ Рославлевъ, Скиталецъ (Яковлевъ), В. Сладкопѣвцевъ, графъ Алексій Толстой, Тэффи, Георгій Чулковъ, Н. Шебуевъ, Умановъ-Капуновскій, Н. И. Фалѣевъ (Чужъ-Чуженинъ), А. Яблоновскій и другіе.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ **6** руб., на полгода **3** руб., на 3 мѣс. **1** руб. **50** коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ журнала «САТИРИКОНЪ» (С.-Петербургъ, Фонтанка, 80) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ и провинціи.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ 40 КОП. ЗА СТРОКУ НОНПАРЕЛИ ВЪ 1/4 СТРАНИЦЫ

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО № 10 КОП. ВЪ ПРОВИНЦІИ 12 КОП.

ОТДѢЛЕНИЕ ДЛЯ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ ВЪ ПРОВИНЦІИ:

Москва—Шведчиковъ. Одесса—Бороховъ. Варшава—Е. А. Морозовъ. Ново-Вилейскъ—Горсковъ. Томскъ—Т-во «Новое Дѣло. Рига—К. И. Бирсгалъ. Саратовъ—П. Ф. Панинъ. Ялта—Ивановъ. Иркутскъ—Г. Д. Хожаевъ. Кутаисъ—Квициадзе. Таганрогъ—Г. С. Половикъ. Владивостокъ—Аг. «Польза». Черниговъ—М. Н. Кранцъ. Юрьевъ—Ф. Д. Любликъ. Харбинъ—Ш. Т. Щелоковъ. Благовѣщенскъ—Н. С. Смертинъ.

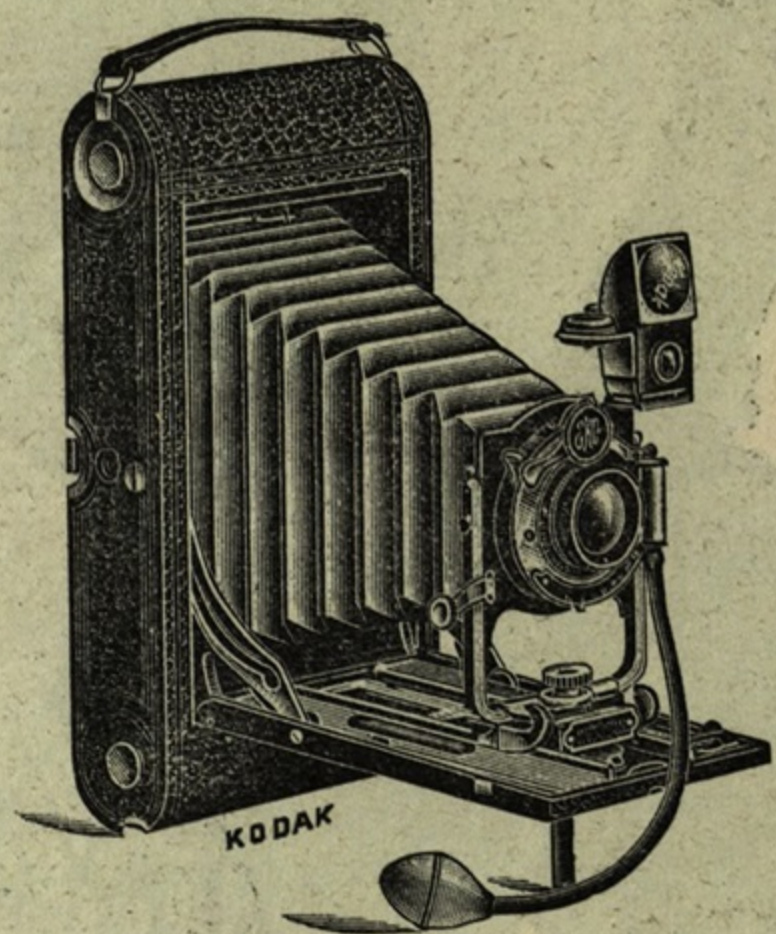
Адресъ Главной Конторы и Редакціи: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80. Телефонъ № 324-62.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

Лакей.—Покойной ночи.
Баринъ.—Дуракъ!

	для снимковъ		
№ 1	$6\frac{1}{2} \times 9$	сант.	Р. 21.—
№ 1А	7×11	„ „	25.—
№ 1А Спец.	7×11	„ „	32.—
№ 3	$8 \times 10\frac{1}{2}$	„ „	38.—
№ 3А	8×14	„ „	50.—
№ 4	$10 \times 12\frac{1}{2}$	„ „	50.—
№ 4А	$10\frac{1}{2} \times 16\frac{1}{2}$	„ „	75.—

Посѣтите нашъ магазинъ, въ которомъ Вы увидите полную демонстрацію бесплатно.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНЫЕ КАТАЛОГИ.

**НЕУЖЕЛИ ВЫ ЛИШИТЕСЬ
УДОВОЛЬСТВІЯ ЗАНЯТЬСЯ
ФОТОГРАФІЕЙ НА ДАЧЬ
ВЪ ЭТОМЪ ГОДУ?**

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу
новая книга:

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО
„ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ
РАЗСКАЗЫ“.

Цѣна 1 руб.
Продается во всѣхъ книжныхъ
магазинахъ и на станціяхъ жел.
дорогъ. Выписывающіе изъ глав-
наго склада за пересылку не пла-
тятъ. — Выписывающіе налож-
платежемъ платятъ на 20 коп.
дороже.

Главный складъ изданія:
Спб., Фонтанка, 80. Контора журнала „Сатириконъ“.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу
новая книга:

САША ЧЕРНЫЙ
„САТИРЫ“.

Изданіе М. Г. Корнфельда.
Цѣна 1 рубль.

Продается во всѣхъ книжныхъ
магазинахъ Петербурга и про-
винціи и на станціяхъ желѣзн.
дорогъ. — Выписывающіе изъ глав-
наго склада за пересылку не пла-
тятъ. — Выписывающіе наложен-
нымъ платежемъ, платятъ на
20 коп. дороже.

Главн. складъ изданія: Спб., Фон-
танка, 80 Контора журнала
„Сатириконъ“.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ
ЛУЧШІЯ ДВУХСТОРОННІЯ ПЛАСТИНКИ
ЗОНОФОНЪ

НАИБОЛѢЕ ВЫДАЮЩІЯСЯ НОВЫЯ ЗАПИСИ:

Н. В. ПЛЕВИЦКАЯ.
Извѣстн. исполнит. русск. пѣсень.
63839. Ухари-купецъ.
63840. Пожаръ Московскій.
63836. Умеръ бѣдняга.
63838. Куделька (комич.).
63837. Прялочка.
63841. Тихо тащится лошадка.
63842. Быстрѣй летите, кони.
63846. Чайка.
63848. Золотымъ кольцомъ сковали.
63849. Однозвучно гремитъ колокольчикъ.
63847. Доля бѣдняка.
63850. Молчи, ящикъ.
63844. Хазь-Булатъ.
63845. Душегрѣйка.
БИМЪ - БОМЪ (комич. дуэты).
61350. Объясненіе въ любви.
61351. Задачи по ариметикѣ.
61352. Запутанное родство.
61353. Необходимость кухарокъ.

М. А. Каринская.
63751. Колокольчики, русск. пѣсня.
63757. Дремлютъ плакуція ивы.
63755. Тройка, русск. пѣсня.
63756. Дай, милый, на счастье руку.
63760. Забыть, ром. Чернявскаго.
63764. Дудочка, ром. Тидемана
63752. Лебединая пѣснь.
63753. Не замолчу.
63758. Мнѣ снился сонъ.
63759. Василекъ, Чернявскаго
63762. Лишь съ тобой такъ чуденъ свѣтъ.
63763. Погадай-ка мнѣ, старушка.
63765. Вы, шутя, мнѣ „люблю“ говорили.
63586. Мы молоды были (В. Панина).
Л. Стефанеско (цимбалистъ).
68032. Румынское попурри.
68033. Полька и лезгинка.
68038. 1) Плакуція ивы. 2) Полька.
68035. „Пожалѣй“ и „До-ре-ми-фа-оль-ля-
си-до“.

Оркестръ О-ва Зонифонъ.
60780. „Пола-пола“. Танецъ.
60789. Танецъ Мажоръ.
60800. Вальсъ „Леда“, Чеснокова.
60816. Весенн. мечты, Рейдермана.
60783. Мазурка изъ оп. „Галька“.
60219. Цыганск. танецъ. Сень-Санса.
60782. Парижскій танецъ.
60786. Сонъ. Интермеццо.
60641. Амуръ. Вальсъ.
60642. Директуаръ. Нов. танецъ.

П. I. Бернадовъ. (Куплетистъ).
2-62349. Пухленькія дамочки.
2-62351. Женіхъ.

Дуэтисты Бершадскіе.
64493. Послѣдній денечекъ.
64472. Вѣтренные босяки.

Дѣтскія пѣсни
въ исполн. г-жи Е. С. Морской.

Малая пластинка стоитъ **65 к.**, большая (Грандъ) **1 р. 25 к.**
НОВЫЙ ПОЛНЫЙ КАТАЛОГЪ ПЛАСТИНОКЪ — БЕЗПЛАТНО.

Дамы
употребившія хоть одинъ разъ
ПАТЬ НИППОНЪ
увѣряютъ, что лучшаго средства для достиженія красоты
и молодости
НЕ СУЩЕСТВУЕТЪ.
пудра, мыло и кристаллы НИППОНЪ
за короткое время тоже завоевали общую
СИМПАТІЮ ДАМЪ.
Продается во всѣхъ аптек. и парфюм. магаз. и у
Т-ва „НИППОНЪ“, Невскій пр., д. № 110.—8.
Брошюра знаменитой японки Юначивара Масакадо
„Отчего я такъ красива и молода“,
высыпается **БЕЗПЛАТНО.**

Новая книга Константина Подоводскаго Новая книга
„ВЕРШИННЫЕ ОГНИ“
Стихотвор. томъ IV.—Цѣна 1 руб.
Складъ изданія: Москва, кн. магаз. „Сотрудникъ Провинціи“.
М. Бронная.

СЕРЬЕЗНОЕ ДОБРОСОВѢСТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ. ОБРАТИТЕ НА НЕГО ВНИМАНИЕ.
ЕСЛИ ВАШЪ

ЖЕЛУДОК

плохо варить, если Вы страдаете катарромъ, **ЗАПОРАМИ**, геморроемъ, вздутіемъ живота,
тошнотой, изжогой, **ГОЛОВН. БОЛЯМИ** если Вашъ организмъ истощенъ, ослабленъ и
Вы вслѣдствіе этого удручены, подавлены, потребуйте мою книгу: **«ОЗОНЪ»** какъ
естественный оздоровитель желудка. Вы найдете въ ней причины Вашихъ страданій и со-
вѣтъ, какъ отъ нихъ избавиться. Я долго работалъ надъ этими овпросами и предлагаю
свой трудъ страдающимъ для ознакомленія бесплатно. Сообщите мнѣ открыткой вашъ
адресъ и я немедленно вышлю Вамъ свою книгу.
Д-ръ мед. Антонъ Мейеръ, хим. лаб. Спб. Екатеринбургскій кан. 29-22.

А. РАДАКОВЪ

МАТЬ.

Однажды я, Негусъ Менеликъ, покойный Ашиновъ и Патти шли къ заутрени къ Тѣстову. Идемъ. Окраина города. Хибарка. Заглянули въ окно. Слышимъ дѣтскій голосъ:—Мама, а почему они не красныя? У богатыхъ красныя!..—Денегъ на краску нѣтъ, но я выкрасю яйца!—Смотримъ, разодрала ногтями грудь и кровью,—понимаете кровью матери—выкрасила яйца. Съ каждой каплей крови угасала жизнь... жизнь матери... Я молчалъ. Негусъ плакалъ, какъ слонъ. Патти взяла свою самую верхнюю ноту и отдала ее осиротѣвшимъ дѣтямъ. Да это была мать...

Вас. Немировичъ-Данченко.

Е. БЕМЪ

Посмотри, что за дѣвчурочка.
Мило ея личико.
Птичка, что зовется курочка,
Ей снесетъ яичко.

Если дѣтка любитъ мамочку,
Богъ дастъ счастье душечкѣ.
Вставь, дитя, картинку въ рамочку,
Помни объ Игрушечкѣ.

Редакція журнала «Игрушечка».

Примѣчаніе. Одобрено министерствомъ народнаго просвѣщенія для старшихъ классовъ гимназій.

К. Е. МАКОВСКІЙ.

ПАСХАЛЬНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Колоритъ пасхальной ночи дѣлался. Готика русскихъ церквей намѣчалась въ туманѣ абрисами прерафаэлитовъ. Снѣгъ только одной лопаткой прикасался къ землѣ. Солнечный мальчикъ—солнце—дѣлалъ свое дѣло. Пасхальная ночь благоухала, какъ циркъ во время борьбы. Русскій бояринъ панъ Шексидюльскій изящными нельсонами догонялъ хорошо прорисованную боярыню и страстно шепталъ ей слова любви. Но она, смѣясь макаронами, раздавила мостъ его надежды. Колокола звонили на обѣ лопатки.

Брешко-Брешковскій.

Зодаревскій

РОКОВОИ ВИЗИТЬ.

Князь Борисъ вошелъ въ гостиницу той упруго-изящной походкой, которой ходятъ рюриковичи. Графиня Лили сидѣла въ креслѣ, той изящно-небрежной посадкой, которой сидятъ всѣ графини, и по французски, съ англійскимъ акцентомъ, читала «Блужи счастья». Какъ орелъ, подошелъ князь къ Лили. Усы его благоухнули ей въ лицо одеколономъ. Уста соединились въ долгомъ поцѣлуѣ.

— О!—шептала Лили по французски съ англійскимъ акцентомъ. Все закружилось... это было счастье.

ВЕРБИЦКАЯ.